

Майя Устюжанина

Переселенцы

Майя Устюжанина

Переселенцы

<https://litres.ru/74672589>

SelfPub; 2026

Аннотация

В процессе заселения новой планеты человечество совершает старые ошибки. Молодой мир находится на грани гибели. Кто-то пытается его спасти, а кто-то урвать для себя лучшее в жизни. Молодой ученый Николас Комински, в одиночку исследующий дикое побережье, оказывается в плену у группы военных, которую возглавляет биолог Итан Реверди, гениальный человек со странностями. Постепенно перед неопытным Николасом открывается изнанка этого мира: преступная жестокость, равнодушие властей, чужая уничтоженная любовь. Ему предстоит нелегкий выбор: встать на сторону желающих спасти этот мир или сдаться.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Майя Устюжанина

Переселенцы

Глава 1

Переселенцы

фрагмент 1

Оружие и безоружный

I

Океан. Горький, холодный, пахнувший остро и терпко, волнами подкрадывался к людям. Он по-звериному шипел, пускал серую пену, шуршал, играя мелким цветным камнем. Побережье скрывал туман, густой и серый. Казалось, будто наступают сумерки. Туман не давал ни вздохнуть полной грудью, ни глянуть. Он застилал пеленою прибрежную дорогу, скрывая под собою бескрайнюю воду с одной стороны и пустынную, покрытую песчаными оврагами твердь - с другой.

Одежда под плащом отсырела и стала тяжелой. Николас шел, спотыкаясь о камни. Чувствовал, как ноют уставшие ноги. От голода подводило живот, голову кружило.

- Нужно передохнуть.

Старик не отвечал. Шагал, точно заведенный.

- Эй, дружище! Ты разве не устал? Все равно ничего не видно. Бесполезная трата сил. Сегодня нужно было оставаться на месте..., - Николас закончил свою речь бормотанием, понимая, что его не слушают.

Укутанный в выцветшее тряпье по самые глаза старик и вооруженный легким сканером молодой человек, прошагали еще пару сотен метров в молчании. Повисшую над берегом тишину нарушало лишь плавное шуршание большой воды. Впереди, в тумане, была видна лишь наползающая на берег, подвижная белесая пенная кромка.

Николас кутался плащ, посматривая в сторону океана с недоверием. Слишком живой и явно голодный. Он притягивал и волновал, был очень опасен. В нем водились чудовища.

- Тропа?!

Рукотворный настил, благословенная твердь под уставшими ногами. Плоские тяжелые каменные плиты уложены одна к одной - ровно, крепко. Узкая каменная дорога гибкой, гладкой лентой уходила вперед и мягко растворялась в сером тумане.

- Где-то поблизости находятся люди.

Николас скинул с головы капюшон и теперь с опаской оглядывался по сторонам. Темные волосы на его затылке закручявились от сырости.

- Чего испугался? Ты же сам искал людей.

Смех старика напоминал скрип заржавелого механизма.

- Не бойся. Эта тропа – маятник. Чтобы человеку совсем

не пропасть в тумане. Найдешь такую тропу, и она приведет тебя к жилищу. Это священная дорога. Ее строили еще те, первые. Умирали они тоже тут. Их кости лежат под этим камнем. Нужно вести себя осторожно.

Старик теперь шагал медленнее. Казалось, что в его походке, опущенной голове, округленной спине и в его бормотании, появилось некое благоговение. Николас шагал следом, ловил чужие слова, глядел в туго обмотанный тряпьем затылок. Из-под импровизированного головного убора выбивались наружу легкие летучие пряди, все в капельках воды и почти полностью седые. Старик - просто находка, хоть и своевольный. Он знает местность, ведет почти что наощупь, не жалуется и не просит сверх оговоренного. И даже не храпит ночами. Николас привык к его обществу, к сиплому скрипучему голосу и, кажется, даже к его запаху притерпелся.

- Послушай, Ольсен. Если здесь есть такая тропа... Должно быть, деревня где-то рядом.

Старик обернулся. Пристальный и острый взгляд из-под надвинутой на самые брови повязки, заставил молодого человека замолчать.

- Многие из местных будут рады нас видеть. Особенно они будут рады тем побрякушкам, что рассованы по вашим карманам. Ничего... я отведу к тем, кто не ограбит.

Николас не стал спорить. Он шел, не сводя воспаленных глаз со спины, сутулой, обтянутой выцветшей и изношенной

курткой. Он устал. Это была его работа, но ему было не по себе от мысли, что, кроме всего прочего, придется общаться с местными.

Народец на побережье живет суровый, дикий, своевольный, не обласканный вниманием, лишенный даже маломальских благ цивилизации. Старик понимает, что делает, а больше положиться было не на кого.

Они брели до тех пор, пока одновременно не уловили в сыром воздухе горьковатый запах дыма.

Человеческое жилище. Каменный дом с покатой выступающей козырьком крышей. Непрístupный и крепкий, практически как скала. Николас и Ольсен глазели на него, задрав головы. Туман плыл, огибая черные шершавые стены и казалось, что это несуразное, страшное строение движется им навстречу, само по себе. Небольшие застекленные окошки расположенные высоко и на разном уровне, черными выпуклыми, как у насекомого, зрачками, пристально смотрели на притаившийся, вздыхающий океан.

- Здесь лишь вода, песок и камни. Никакой жизни нет, а кажется, что все вокруг живое, разумное. Как ты думаешь, здесь безопасно? - спросил Николас.

Он передернул плечами. Ему было зябко и нехорошо из-за усталости и голода. Старик ткнул кривым пальцем в небо. Небо, казалось, начиналось прямо над их затылками. Такое низкое, что вот-вот придавит, такое тяжелое, что трудно дышать. У слабых людей, попавших в подобную атмосферу, бы-

вало, случались приступы клаустрофобии.

- Скоро начнется дождь. Не бойся.

Николас подошел к обитой ржавым листом металла двери, стукнул по ней кулаком.

- Пожалуйста, открывайте!

Дверь открыли. Из темноты дома пахло нежным сухим теплом и запахом соли.

С хозяйкой говорил Ольсен.

«Вы заблудились»?

«Нет. Нам нужно укрытие на время дождя».

«Вас всего двое? Кто этот юноша»?

«Разведчик. Рисует карту берега. Он не вооружен и не опасен».

Хозяйка задумалась. Скучный серый дневной свет очерчивал ее грубое лицо и светлые косматые волосы, выбивающиеся из-под платка. Нос у нее был толстым и чуть загнутым к низу, тонкие губы плотно сжаты.

«Оставайтесь. На время черного дождя я приму вас. Затем вы уйдете».

Николас и Ольсен устроились у огня, вытянули ноги. Плетеные стулья под ними оказались удобными, а сухое тепло начало медленно заползать под сырую одежду. Казалось, больше ничего и не нужно. Подошла хозяйка, подбросила в очаг пару прессованных брикетов. Зеленовато-черные куски топлива затрещали. Чуть позже она подвесила на металлический крюк пузатый закопченный, полный воды чайник.

Темные каменные стены этого жилища были пустыми. На полу лежали истертые циновки. Даже утвари и той было в обрез. На вспененной столешнице не имелось скатерти. Едой в доме тоже не пахло. По всему было видно - дела у хозяев идут неважно. Николас подтянул к себе сброшенную на пол сумку, вытащил белковый хлеб, пару сахарных палочек и две маленькие бутылки с подслащенным, густым молоком.

Хозяйка молча приняла из его рук незамысловатое угощение. Ее сухие корявые пальцы царапнули по гладкой, белой ладони молодого человека. Николас вздохнул и откинулся на спинку.

"Если люди у океана живут настолько плохо, то что говорить об остальных? Тех, кто добывает камень в пустыне, или тех, кто роет бездонные карьеры на западе, или тех, пробивает в горах тоннели, чтобы проложить в них новые дороги?"

Хозяйка наливала в жестяные кружки кипящую воду. Николас следил за ее неторопливыми движениями. Он плохо разбирал наречие, на котором говорили жители побережья. Всего несколько поколений, выживающих в условиях дикого мира. В стихийном смешении рас и языков, и вот - появилось множество новых слов. Но он все же решил попробовать, и поэтому, когда она приблизилась к ним с подносом, спросил:

- Ты живешь здесь одна?

- Муж второй день на охоте. Плавает вдоль берега. Завтра вернется домой, - спокойно ответила она.

- А ваши дети?

- Сын ушел на запад, в города. Была еще дочь. Но ее сма-
нили проходившие мимо. Не знаю, где она сейчас.

После выпитого жидкого и соленого супа клонило в сон.
За окном изливался черный дождь. За окном темным-тем-
но. Хлюпает и чавкает. Шум дождя, шипение пара, очаг с
живым огнем, соленый суп и сухая злаковая лепешка на гли-
няной тарелке, такая черствая, что ее невозможно откусить.
Хозяйка разожгла под низким потолком светильник. Но свет
не был им нужен. Николас откинул голову на спинку и за-
дремал.

Его разбудили громкие звуки. В дверь стучали. Это был
требовательный и громкий стук. В дверь буквально колоти-
ли. Хозяйка замерла в испуге, бросила взгляд на Ольсена, но
тот покачал головой, давая понять, что ничего не знает.

Мокро шлепнула расхлябанная и перекошенная дверь. В
дверном проеме, черном, как бездна, показались несколько
мужчин. С верхней одежды, с их длинных защитных плащей,
на вымощенный камнем пол стекали густые серые ручейки,
лица были прикрыты свисающими капюшонами.

Светильник чадил. Николас наблюдал сквозь дымный
мутный сумрачный воздух, как сквозь сон. Мужчины вошли.
Ни лишнего слова, ни жеста. Хозяйка, подобострастно кла-
нясь и шаркая подошвами, указала на вбитые в стену крюч-
ки для верхней одежды.

"Шесть человек. Военный патруль? Но откуда они здесь?
И зачем"?

Молодые, высокие, очень крепкие и сильные люди, одетые в серо-зеленую форму. На предплечьях поблескивают золотые нашивки. Южане. Лица у всех, озаренные грязно-желтым светом, широкие, скуластые. Крепкие, прямые спины, бесконечно длинные ноги и руки. В каждом движении – сдерживаемая сила. Чтобы усадить их всех, хозяйка приволокла из-за стены плетеную лавку, а потом еще и пару высоких табуретов. Военные разместились у входа.

Проводник притаился, съежился и стал походить на кучу старого тряпья. Он не поднимал глаз. Николас не сразу понял, что тот боится.

- Ольсен, что с тобой? - тихо спросил Николас.

Старик не ответил. Николасу тоже было не по себе. Ну что забыл в этих краях военный патруль? Очень странно. Неужели снова война? Все идет именно к этому. Ведь в последнее время никакая сила не приводит следом за собой мир. В отсутствие веры и взаимопонимания, даже самые благие намерения искажаются, дела делаются криво и все выходит боком. И изо всех праведных трудов, усилий и жертв выходит совсем не то, что нужно, а нечто среднее, эдакий источающий яды меч, вроде бы и поражающий врага, но вместе с тем, отравляющий и своего создателя.

- Все в порядке. Скоро закончится этот дождь, мы вернемся на станцию.

Время, казалось, остановилось. Липкий дождь все шумел. Молчаливые, невольно соседствующие люди, притих-

шие под крышей каменного дома, терпеливо ожидали. За тонкими стеклами был слышен голодный шепот и журчание в водосточной трубе.

Николас, грея ладони о кружку, смотрел в маленькое окошко. На время дождя оно превратилось в тусклое, темное зеркало. Он рассматривал военных глядя на их отражение. Довольно скоро он понял, что это не патруль. Это были не те развязные вояки, которые в отсутствие жесткого контроля, творили над населением всякую дичь. Эти вели себя по-другому. Сдержанно, тихо, осторожно. С того момента, как они вошли в дом, никто из них не проронил ни слова. Было ощущение, что они стерегут что-то крайне ценное.

Тот, кто находился в центре, был главным. Он единственный сидел, прикрыв глаза и откинувшись затылком к стене. Физически он был расслаблен, в отличие от прочих. Он явно чувствовал себя в безопасности и отдыхал. Николас при-смотрелся. Почувствовал, как по телу, от шеи и до самых икр, пробежал рой колючих мурашек. Он его узнал.

"Какой интересный типаж. Надеюсь, он не сломается, когда поймет во что ввязался. Военный флот - дело нелегкое. Но здесь идет борьба совсем другого вида. Нет, ты только взгляни на него. Неужели он смеется?"

Огромная светлая зала была полна народу. Чистый, ароматизированный воздух изливался прямо из стен. Акустика была такой, что даже шепот звучал подобно грохоту камней. Шепот пресекли жестким, многообещающим взглядом, ко-

торый был равносильен неслабому удару в челюсть. Николас, стоя в строю, скосил на провинившегося приятеля глаза и сдержал улыбку.

В тот памятный день Итан Реверди стал новоиспеченным резидентом министерства. Он сменил прежнего главу – старика Моралеса. Про того шли слухи, что он спился и продался северянам, впрочем..., это были лишь слухи, разговоры. Что на самом деле с ним стало, никто не знал. Но, как бы то ни было, то, что Марались ушел, объявили в самом конце заседания. А после управленцам, главам совета и гостям заседания представили нового министра.

Итан Реверди выступал последним. Управленцы и их подчиненные, присутствующие гости и военные, в том числе новобранцы, в число которых входил и Николас Камински, все они страшно устали. Шел четвертый час заседания. Крепкий на вид, высокий человек в светло-серой, парадной военной форме, бодро вышел из зала и встал перед белым экраном. Несколько тысяч вопрошающих и ожидающих взглядов обратились к нему. Он же молча смотрел на главных управленцев Юга, сидящих в первом ряду. Координаторы пребывали в состоянии легкой паники от провисшей тишины, неестественной для столь огромного помещения. Чтобы хоть как-то сбить неловкость, они спроецировали изображение выступающего на экран.

Командор Реверди не выглядел растерянным или испуганным. Он внимательно и пристально изучал людей. Это

продолжалось недолго и выглядело вызывающе. Но выждав время и перехватив напряжение, повисшее над головами, он внезапно начал говорить. Говорил обобщенно. Ни слова о своем предшественнике, ни слова о своих планах, и ни слова обещания. Общие фразы: легкие, громкие и краткие. Он выглядел хорошо, держался молодцом и, кажется, был полон энтузиазма. Но у многих в тот день возникло ощущение, что его вытолкнули из строя в спину, не предупредив.

С тех пор прошло почти два года. Кто же мог подумать, что они встретятся вот так? На краю мира, на грани войны, спасаясь от ядовитого черного дождя под одной крышей?

Николас и его проводник выбились из сил. Ночь выдалась очень темной, сырой воздух холодил их лица. Мокрая колючая растительность цеплялась за ноги, в ботинках чавкала вода. Из-за ползущих к источнику пищи хлорэтилов им пришлось идти вдоль прибоя и приливная, высокая волна несколько раз окатила путников холодными солеными брызгами. Ночной океан угрожающе ревел, волны его разыгрались. Мокрая галька шуршала, и эти звуки были похожи на чьи-то тяжелые шаги. Николас боролся с постоянным желанием оглянуться.

С пути не сбились, и станция тоже была в порядке. Измученный старик, едва оказался внутри, скинул сырые тряпки и башмаки, откинул от стены узкий лит, бросил под голову свой драгоценный мешок и накрылся покрывалом с головой.

Николаса всегда поражал отточенный механизм его движений, скупость жестов и слов.

- Ну что ж, спокойной ночи, - пробормотал он сам себе.

Из последних сил Николас обошел станцию. Вернувшись, он опустил металлические жалюзи, включил тусклый верхний свет в потолке машины, вентиляцию для продува кабины и обогрев пола. Машина теперь издавала уютные, урчащие звуки. Николас откинул свой лит, взял с полки и разбудил сканер. Превозмогая сонливость, он стал составлять ежедневный отчет. Мысли путались после тяжелого дня, но зато теперь ему хотя бы было о чем написать. Николасу хотелось пошутить, как-нибудь, пусть и незначительно, но передать в сухой зашифрованной писанине собственные чувства. Тоску, скуку, утомление и свое недоумение от случайной встречи, произошедшей этим днем. На личные темы по этому каналу общаться было запрещено. Оттого, понимая, что принимающая сторона в таком виде его стараний не оценит, он как обычно, всего лишь сухо изложил факты. Координаты, время и свои догадки. Которые, впрочем, вряд ли смогли бы здесь чем-то помочь. Он тщательно внес данные о рельефе местности, количестве жилых домов и прочих построек, перенес отсканированные данные в систему, зашифровал, отправил.

Сон ушел. Вентиляция слабо гудела. Николас рассеянно осмотрел аскетичную обстановку кабины. Немного подумал, отложил сканер и потянулся к дальнему закрытому стенному

отсеку. Извлек и бережно опустил на колени свой бумажный альбом.

Дорогая, красивая вещь. Ценный подарок от близкого человека. Уставший, он решил добавить к своей работе хотя бы пару штрихов, но незаметно для себя, как обычно, увлекся процессом. Николас порою тонул в творчестве, забываясь, теряясь во времени. Это был лучший отдых для разряженного бездействием мозга. Он открыл новый большой лист. По снимкам, по показателям расстояния, по фотографиям спутника, нечетким, ведь плотная облачность и туманы в этих местах были круглогодично, он создавал свою собственную карту.

«Ничего нового. Все то же, что и четыре недели назад. Ничего вызывающего подозрение, странного и непонятного. Тот же берег, тот же океан, тот же туман. Самое большое подозрение вызываю здесь я», - рассеянно думал он.

Карандаш ловко скользил по белой, необыкновенной, гладкой бумаге. Хотелось пить, в горле пересохло. Но не хотелось прерывать такой волнующий и будоражащий процесс созидания. В правой руке играла сила, отдаваясь легким покалыванием в кончиках пальцев. Это будет красивая карта. Живая, увиденная человеческими глазами и нарисованная человеческими руками. А не безмозглыми электронными черепами железных дронов.

Шутки ради, на карте, рядом с домиком, где они пережидали дождь, Николас нарисовал несуществующее зеленое

дерево. «Дерево, пожалуй, лучше всего его характеризует. Биолог и политик. Крепкий ствол и шумящая крона. Как же это называется...? Дуб. Точно. Необыкновенно сильное земное дерево. Ну надо же... Будет потом, о чем рассказать Наставнику Юлиусу. И когда же все это, наконец, закончится? Я становлюсь бродягой. И борода уже отросла. Глупая, жидкая бороденка. Нужно побриться, в конце концов, привести себя в порядок».

Ночь у побережья. Океан шумит, перекрывая прочие звуки. Он шуршит галькой, бьется о шершавые черные валуны, шепчет на своем древнем языке. Металлические жалюзи слегка приоткрыты, вентиляция отключена. Высокая влажность, пусть свежий воздух вливается с ветром. С улицы тянет солью, сыростью и горькими, тлеющими на берегу морскими тварями. Тепло и уютно спать, до самого рассвета, до тех пор, когда медленно начнет подниматься над холмистым песчаным, дымчатым горизонтом, голубая в мутном мареве, плоская тарелка - молодая карликовая звезда по имени Соллярис.

II

Он очнулся от сырого холода. Было темно, так, как может быть темно ночью на вечно туманном, дождливом побережье. Вместо постели под ним был крупный, влажный, бугристый песок. Он ощупал его, перекатил крупные песчинки между онемевших пальцев. Песок прилип к его щеке, попал в рот и глаза. Зеленовато-голубое, наэлектризован-

ное небо впитывало свет, не давая ему упасть ниже. По слабым неверным очертаниям, которые уловили привыкшие к сумраку глаза, он догадался, что его окружают гладкие невысокие валуны. Ни шороха, ни вдоха, никакого движения. Николас находился совершенно один. Он был связан и лежал на боку, тяжело дыша и таращась в темноту.

Он никогда в жизни не испытывал такой сильной боли, какую испытал этой ночью. Один удар под ребра, а затем сразу второй, по затылку. Сознание его отключилось, и он провел так неизвестно сколько времени. "Почему не задохнулся? Не уткнулся носом и ртом в песок? Почему не убили сразу?" - лихорадочно думал он. При мысли о пытках Николаса бросило в жар. Тело непроизвольно изогнулось, он, кусая губы, прижал подбородок к груди. Нет, он не был к такому готов. Он всего лишь молодой ученый. Слабый, безобидный, никому не приносящий вреда человек.

Чудовищным усилием воли, спустя время, он все-таки привел в порядок свои чувства.

- Дух человека сильнее плоти, сильнее плоти, сильнее..., - бормотал он, согревая щекой песчаную землю. Он попытался осмотреться, вращая глазами. Низкое серо-зеленое небо. Рассвет. Тишина. Тяжелый, густой дух океана, запах соли и мокрого песка. Туманно и хмуро, как и бывает в это время года на побережье. Высокие каменные валуны в похожих на изморозь, кристаллизованных частичках соли. Песчаные дорожки между валунами, на песке свежие глубокие следы от

больших, рельефных подошв.

Песок и мелкие камни зашуршали под тяжелыми шагами. Ботинки - огромные, с тупыми круглыми носами, остановились в нескольких сантиметрах от его лица. Николаса приподняли – легко, как куклу. Придали ему сидячую позу, привалив спиной к холодному камню.

- Представьтесь.

Он собрался с силами. Во рту было сухо, губы слипались, на зубах скрипел песок. Он отрапортовал непослушным языком:

- Николас Камински. Геолог, топограф. Служащий третьего ранга, первого отряда военной части Береговой линии.

- Ваше звание.

- Младший сержант.

- Кто ваш руководитель?

Сухой, металлический голос солдата отдавался в затылке Николаса тяжелой болью.

- Я не буду отвечать. Конфронтация эшелона Береговой линии и военных сил Южного формирования - дело политическое. О себе я сообщил все, что мог и больше ничего не скажу. Даже в том случае, если оба штаба... подчиняются одному и тому же управлению.

- В ваших интересах отвечать на вопросы.

- Я больше ничего не могу сказать. Я нахожусь при исполнении.

- Кто ваш руководитель, какое было задание? – по слогам

произнес солдат. Ноздри его раздувались, всасывая воздух, зрачки были цвета стали.

- Отвечайте.

Николас не ответил и получил новый удар в солнечное сплетение.

"Как же это больно... больно. Чертовы идиоты. Они не могут договориться между собой, не могут поделить земли и власть. И эту жалкую кучку необразованных переселенцев, которые боятся юга, запада и Каменной пустыни и кучкуются у не менее опасной воды, ошибочно полагая, что она и прокормит, и защитит их. Береговая линия. Линия сопротивления? Один смех...."

- Кто руководитель?

Боль в его теле стала теперь лишь приятным теплом. Николас молчал, расслабленно глядя в пустоту. Он сосредоточился на своих ощущениях. Время пришло. Притихший в камнях ветер слабо шевелил его волосы и мягко касался лица. Солдат присел на корточки. Совсем близко. Опустил правую руку и вздернул ремешок на кобуре.

Это было страшно. Николас не смог этого скрыть.

- Передайте командованию, что удерживать меня силой вы не имеете права. Я нахожусь на территории Береговой линии. Я выполняю мирный приказ, - сбивчиво пробормотал он, смотря на отливающее металлом, мощное современное оружие в руках военного. - Вы должны немедленно отпустить меня. В случае, если я каким-то образом нарушил

порядок мирного соглашения, вы можете сообщить об этом в штаб Береговой линии. Но задерживать меня...

Сухой щелчок надолго выключил его речевой аппарат.

Негромкий шорох гальки, далекое завывание ветра, неясная, подступающая и откатывающаяся назад, точно волна, человеческая речь. Вокруг него - сплошной туман. Влажный и холодный. Камни, окружающие его - словно стены, бугристые, покрытые шершавой минеральной пленкой, прозрачной, соленой оболочкой. Откуда здесь камни?

- Мы задержались в подтопляемой зоне. Из разломов выступает вода. Давайте уже, Дик, шевелите людей.

Кто-то снова подошел к нему.

- Вы еще живы?

Николас сморгнул и почувствовал, что заплакал. Мышцы лица, руки и ноги его не слушались. Слезы лились сами по себе, он попытался прикусить себе язык, но не смог даже пошевелить им. Язык лежал во рту мертвым куском мяса.

- Жаль, что вам приходится отвечать за чужие решения, думаю, вы даже не особо представляли себе всей опасности такого задания. Правильно воспитанный, героический, глупый ребенок. Сколько же вас таких? Ну что ж... Расскажите все, как есть? Вашим заданием было выследить отряд? Ответьте, «да» или «нет». Эй, эй, не спать!

Шлепок по щеке перекатил на другую сторону его заваливающуюся набок голову.

- Н-нет... Я.. изучал побережий..., – он едва мог открывать

рот, губы не слушались его. - Это все... Вы же осмотре...ли станцию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.